

НАЧАЛО IV ГЛАВЫ ЧАЛЬДЪ-ГАРОЛЬДА.

(Переводъ съ Англійскаго.)

Въ Венеціи мостъ вздоховъ подо мною;
 Стою я межъ темницей и дворцомъ;
 Градъ высится, сіяя, надъ волною,
 Какъ поднятый волшебника жезломъ.
 Здѣсь шли вѣка, и озаряетъ слава
 Тѣхъ чудныхъ дней былыя торжества,
 Гдѣ каждая окрестная держава
 Крылатаго еще страшилась льва,
 И воцарясь, усмалась величаво
 Венеція на эти острова.

Какъ нѣкая надводная Цибела
 Она, въ тиарѣ каменной своей,
 Красуется, торжественно и смѣло,
 Давнишняя владычица морей.
 Была пора: для дочерей собирала
 Приданое она со всей земли;
 Восточные края, какъ дань вассала,
 Къ ея ногамъ сокровища несли,
 И пиршество ея дѣлать, бывало,
 Могучіе гордились короліи.

Не слышны въ ней теперь октавы Тасса,
 Безмолвствуютъ въ гондалахъ ихъ гребцы,
 Сталъ рѣдокъ звукъ плѣнительнаго гласа,
 И рушатся пустынные дворцы!
 Но здѣсь, хоть все покинуто и сирое,
 Прелестно все. Въ природѣ нѣтъ утратъ,
 Нѣтъ гибели; и рядить, какъ для шира,
 Она досель возлюбленный свой градъ,
 Приютъ родной увеселеній міра,
 Итали блестящій маскарадъ.

Но манить насъ оны славою непреложной,
 Другой чѣмъ рядъ тѣхъ доблестныхъ тѣсей,
 Которыя, въ Венеціи бездожной,
 Еще грустятъ о силѣ прежнихъ дней.
 Не нашему трофею лечь въ забвенья!
 Нѣтъ! времени не вѣдая обидъ,
 Переживетъ Ріальта оны паденья;
 Шейлокъ и Мавръ прочше, чѣмъ грантъ;
 Какое-бъ здѣсь ни было разрушенъ,
 Пустыню намъ ихъ образъ оживитъ.

Не праху подлежатъ души созданья;
 Безсмертныя, вносясь надъ суетой,
 Въ насъ лучшаго они существованья
 Вселятъ мечту, и вложатъ лучъ святой.
 И эта жизнь роскошная, другая,
 Чѣмъ вѣлый бытъ въ плѣну земной тюрьмы,
 Существенность призракомъ замѣняя,
 Украситъ все, что ненавидимъ мы,
 И блескъ виссетъ и ароматы Мая
 Въ немой предѣлъ безплодности и тьмы. —

И въ юности взыскательной и смѣлой
 Влечетъ насъ въ міръ счастливыхъ небылицъ,
 И въ старости пустой и обѣдной
 Порывъ души: — и много имъ страницъ
 Наполнилось; — наполнилась и эта.
 Но образы бывають, ихъ черты
 Существенный волшебныхъ грѣзъ поэта,
 Полней живой и дивной красоты,
 Чѣмъ все того несбыточнаго свѣта
 Блестящія и странныя мечты.

Знавалъ, во снѣ или на яву, порою
 Тѣ образы я въ дняхъ моей весны;
 Миръ имъ! — они явились предо мною
 Какъ истина, и унеслись какъ снѣ.

Чтобъ ни были: теперь они мнѣ тѣни.
 Ихъ забыть я могъ бы.... полночь умъ
 Еще досель мной встрѣченныхъ видѣній;
 Пусть пропадутъ! стыдятся этихъ думъ
 Разсудокъ мой. Другихъ жду впечатлѣній,
 И голосовъ другихъ я слышу шумъ.

Сталъ сроденъ мнѣ языкъ иноплемennyй,
 Въ толпѣ чужой я не слышу чужимъ;
 Вездѣ въ насъ духъ хранится неизмѣнный,
 И самъ онъ свой. Убѣжищемъ роднымъ
 Могла-бъ страна мнѣ сдѣлаться иная,
 И людной, да, или безлюдной брегъ:
 Хоть я и сынъ прославленнаго края,
 Гдѣ быть рожденъ гордиться человекъ;
 И мудрости отчизну покидая,
 Въ чужой предѣлъ коль перешелъ на вѣкъ, —

Люблю ее я, можетъ, и понынѣ;
 И еслибъ духъ безплотный могъ избрать
 Себя приютъ, — сложивъ свой прахъ въ чужбинѣ,
 Къ своей землѣ вернулся-бъ я опять.
 Хотѣлъ бы я, когда промчатся годы,
 Помянуть бытъ на языкѣ родномъ.
 А если нѣтъ, — и мнѣ лишь славы взходы
 Вдругъ поднялись, чтобы пропасть потомъ,
 И межъ именъ, которыхъ чтутъ народы,
 Не вспомнится объ имени моемъ ....

Пусть такъ! — и лавръ, другихъ чело вѣнчая,
 Пусть лучшее украситъ торжество!
 Спартаца будь мнѣ надпись гробовая:
 „Спартацы есть похвальныѣ его!“
 Не сродно мнѣ, пока людское племя;
 Не просить умъ сочувствій, и не ждать.
 Растилъ я тернъ; взошелъ въ свое онъ время,
 И искололъ .... и кровь моя течетъ ....

Я могъ бы знать , бросая это сѣмя ,
Какой съ него собрать придется плодъ .

—

Не потому , чтобы боялся боли ,
Самъ о себѣ заговорилъ я вслухъ .
Кто зрѣлъ во мнѣ , средь мукъ , упадокъ воли ?
Когда слабѣлъ отъ судорогъ мой духъ ?
Но мѣсто дамъ я грозному укору ,
И вѣтръ небесъ не унесетъ его !
Слова мои въ свою свершатся пору ;
И въ гробъ сходя , земное существо ,
Я на главу людей взвано , какъ гору ,
Местъ тяжкую проклятыя моего....

Местъ моего прощенія ! .... Не я ли —
Будь , небо , ты , земля , родная мать !
Будь ты судьей ! — не я-ль , кого такъ гнали ,
Довольно снесъ , чтобъ нынѣ смѣть прощать ?
Не свергли-ль въ прахъ , ругаясь надо мною ,
Они мои надежды и права ? ....
Не жизни-ль жизнь , въ борьбѣ съ ихъ клеветою ,
Утратилъ я ? .... и устоялъ едва , —
Лишь потому , что сотворень судьбою
Не весь изъ ихъ гнилаго вещества !....

1850 г.

К. Павлова.

=

1907 2634

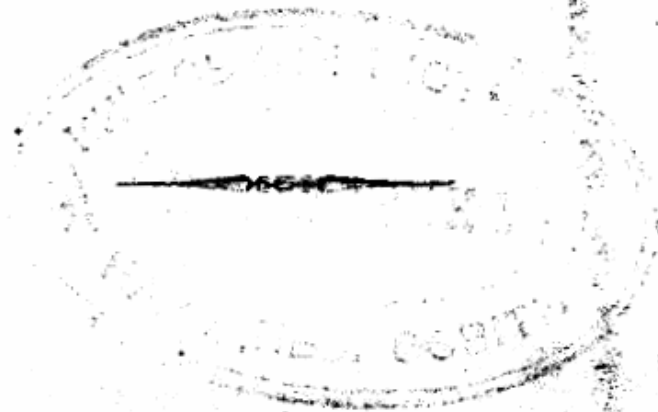
КІЕВЛЯНИНЪ.

КНИГА ТРЕТЬЯ,

НА 1850 ГОДЪ

ИЗДАНІЯ

М. Максимовичемъ.

МОСКВА.

1850.